

По поводу новаго журнала „Новый Путь“.

Съ настоящаго года начать выходить въ Петербургѣ, подъ редакціей П. П. Перцова и при непосредственномъ участіи Д. С. Мережковского, Н. М. Минскаго и В. В. Розанова, новый журналъ философско-религіознаго характера „Новый Путь“. Задача его — „дать возможность выразиться въ какой-бы то ни было литературной формѣ, въ повѣствованіи, въ стихахъ, въ философскомъ разсужденіи, въ научной статьѣ или въ бѣглой замѣткѣ, тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя возникли въ нашемъ обществѣ, съ пробужденіемъ религіозно-философской мысли“, направленіе же, которому онъ хочетъ слѣдовать,—существенно то самое, начало которому было положено еще Гоголемъ, Достоевскимъ и В. С. Соловьевымъ. „Гоголь, Достоевскій и Владиміръ Соловьевъ вотъ наша родословная —“ говоритъ редакторъ въ своей передовой статьѣ. „Постепенное раскрытіе и уясненіе новой религіозной мысли въ послѣдовательности этихъ трехъ именъ—вотъ основаніе нашихъ надеждъ, залогъ нашего будущаго“.

Особый отдѣлъ въ журналѣ отводится для религіозно-философскихъ собраній, учрежденныхъ съ прошлаго года въ Петербургѣ съ цѣлью сближенія и примиренія интеллигенціи съ церковью. Здѣсь будутъ помѣщаться рѣчи и рефераты, читанные на этихъ собраніяхъ, и вообще будетъ сообщаться обо всемъ, что на нихъ происходитъ.

Предъ нами теперь первая книжка „Новаго Пути“ и *уже по ней мы можемъ судить о его характерѣ и направле-*

ній. На первомъ мѣстѣ помѣщена здѣсь статья Н. М. Минскаго „О свободѣ религіозной совѣсти“. Въ прошлую зиму вопросъ этотъ былъ предметомъ продолжительныхъ обсужденій и преній на религіозно-философскихъ собраніяхъ, и настоящая статья до нѣкоторой степени является отголоскомъ тѣхъ мнѣній и взглядовъ, какіе высказывались здѣсь по этому вопросу.

„Въ спорѣ о религіозной терпимости затронуты, говоритъ г. Минскій, четыре стороны: государство, церковь, интеллигенція и народъ“, но участвуютъ въ немъ только церковь и интеллигенція, при чемъ интеллигенція стоитъ за полную вѣротерпимость, а церковь противъ нея. Для вѣрующаго члена церкви всякій сектантъ опасенъ не для себя только, но и для другихъ; по его убѣжденію, онъ „очагъ духовной лжи“. „И если предоставить ему свободу дѣйствія, онъ заразитъ своею ложью безпомощныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ сыновъ истинной церкви. Въ этомъ смыслѣ правы тѣ, кто приравниваетъ свободную пропаганду сектантства къ свободной продажѣ опиума съ равнымъ правомъ можно приравнять ее къ свободному распространенію заразныхъ болѣзней. Вѣрующій убѣжденъ въ объективной истинѣ и, слѣдовательно, въ благодати своего ученія и, съ другой стороны, въ объективной лживости и, слѣдовательно, злѣ другихъ ученій. И потому признавать свободу пропаганды ереси чѣмъ-то желательнымъ для него то же самое, что признавать зло благомъ“.

Такова точка зрѣнія, съ которой вѣрующій членъ церкви рѣшаетъ вопросъ о религіозной совѣсти. Но, говоритъ г. Минскій, это не высшая, да и не вѣрная точка зрѣнія. Тѣ, кто стоитъ на ней, опускаютъ, по нему, изъ виду одно важное обстоятельство, а именно, что самое-то пониманіе церковію того во что она вѣритъ и что содержитъ въ себѣ, не абсолютно не божественно, а только относительно, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ она предоставлена лишь человеческимъ силамъ. А если это такъ, тогда и преслѣдованіе ересей и сектъ имѣетъ

щихъ истины христіанства по своему, очевидно, не должно имѣть никакого мѣста. „Какъ бы ересь ни казалась намъ безсмысленной и кощунственной, мы должны помнить, что это *человѣческая* ложь въ сравненіи съ нашей истиной тоже *человѣческой*, что я въ правѣ не хотѣть ее для себя, но признавать ее обсолютнымъ зломъ, подлежащимъ искорененію, я не смѣю, ибо тогда я берусь за дѣло Божіе. Рядомъ съ этой ложью и моею истиною есть еще истина вѣчная, Божеская, *а кто предъ ней окажется правъ, сокрыто отъ меня*“. Подобно насущному хлѣбу, „религіозная истина и святость дается намъ не *вся сразу*, а на каждый день, по мѣрѣ нашихъ потребностей и силъ, сообразно нашимъ личнымъ и національнымъ особенностямъ“. Источникъ религіозной истины—откровеніе, а оно не прекратилось и послѣ Христа и апостоловъ.

Такъ г. Минскій аргументируетъ свой взглядъ на свободу религіозной совѣсти. Но нетрудно видѣть, насколько ошибочна и слаба его аргументація. Религіозная истина отнюдь не постепенно открывается сознанію церкви, а открыта она разомъ во всей полнотѣ во Христѣ и чрезъ Христа и чрезъ ниспосланнаго Имъ Духа Святаго, и хранится чрезъ апостольское преданіе въ сознаніи вселенской церкви. „Не должно искать истины у другихъ, говоритъ св. Иринеи Ліонскій, но слѣдуетъ поучаться ей въ церкви, въ которую, какъ богачъ въ сокровищницу, апостолы сложили *все, что есть истиннаго*, а потому то преданіе истины, которое содержитъ вся церковь, должно съ усердіемъ любить и принимать“. И пониманіе или разумѣніе церковію содержимой ею истины не есть лишь дѣло человѣческое и, слѣдовательно, погрѣшное, какъ думаетъ г. Минскій. Въ основѣ этого мнѣнія лежатъ совершенно ложное понятіе о церкви, какъ институтѣ или обществѣ только человѣческомъ, на подобіе другихъ человѣческихъ обществъ, основываемыхъ ради тѣхъ или иныхъ интересовъ и цѣлей; между тѣмъ какъ церковь—институтъ не человѣческій только, но и Божественный, Богочеловѣческій: она есть живой орга-

низмъ, возглавляемый Христомъ и одухотворяемый Духомъ Свѣтымъ. Поэтому и все то, что *вся* церковь признаетъ *всегда*, со временъ апостольскихъ, признавала истиной, и можетъ быть неистиннымъ. Въ этой *всеобщности* (качественности) и *всегдашности* (древности) церковь и каждый членъ ея имѣетъ вѣрный критерій для опознанія истины, критеріемъ этимъ она неизмѣнно руководствуется въ потребныхъ случаяхъ. Все же, признанное церковію за истинное, естественно должно быть и хранимо ею во всей чистотѣ неприкосновенности, равно какъ она должна оберегать и своихъ членовъ отъ тѣхъ, кто искажаетъ или отрицаетъ у нея истину, но, конечно, не путемъ насилія, а только путемъ убѣжденій, живого примѣра и слова, и такая охрана истины едва ли можетъ быть названа невѣротерпимостію.

Въ концѣ своей статьи г. Минскій высказываетъ желаніе, чтобы церковь измѣнила свое отношеніе и къ интеллигенціи, проявила бы и къ ней побольше терпимости. Въ послѣднее время, говоритъ онъ, „часть русской интеллигенціи хочетъ вернуться изъ сумерекъ всеобщаго безбожія безразличія въ свѣтъ мистическаго познанія“. Среди нея „явилось *какое-то новое* отношеніе къ завѣту Христа, *новое* прозрѣніе прежнихъ таинствъ и догматовъ, и отъ этого отношенія возвращающіеся (къ церкви), при всемъ желаніи своемъ не могутъ отказаться, все равно какъ они немогли-бы отказаться отъ данныхъ астрономіи и геологіи и не считать возраста земли миллионами лѣтъ. А между тѣмъ на заставѣ цензуры пропускаются только идеи старыя. И вѣдѣвъ этого мы присутствуемъ при странномъ явленіи: *церковь ведетъ борьбу съ тѣми, кто въ борьбѣ съ безбожіемъ старается возродить въ людяхъ атеистическое отношеніе къ познанію*“. На это желаніе достаточно отвѣтить лишь слѣдующее: если вы, представители интеллигенціи, дѣйствительно искренно хотите обратиться къ церкви и встать въ единеніе съ ней, то она, съ своей стороны, можетъ только порадоваться

этому. Но чтобы ваше стремление къ единенію съ церковью не осталось безплоднымъ, вы должны прежде всего выяснитъ намъ что-же это за „новое отношеніе къ завѣту Христа, что за новое прозрѣніе прежнихъ таинствъ и догматовъ“, отъ котораго возвращающіеся къ церкви „не могутъ отказаться при всемъ своемъ желаніи“? Самъ г. Минскій оставляетъ насъ, въ полномъ невѣдѣніи относительно этого, а между тѣмъ сдѣлать это едвали помѣшала ему, или другому кому изъ интеллигентовъ, какая-либо „застава цензуры“, а если бы и помѣшала, то можно было бы сдѣлать это и инымъ какимъ-нибудь путемъ, хотя бы, напр., на засѣданіяхъ религіозно-философскаго общества, гдѣ допускается полная свобода мнѣній. Но дѣло въ томъ, что для того, чтобы сказать что-нибудь новое о предметѣ, нужно напередъ хорошо знать его и по его природѣ, и въ историческомъ положеніи его; но можно-ли сказать, что желающіе изъ интеллигенціи обратиться къ церкви хорошо знаютъ ее, ея догматы, таинства, хранимый ею завѣтъ Христа? Не слѣдуетъ ли скорѣе пожелать, чтобы они получше познакомились съ нею и съ ея исторіей вмѣсто того, чтобы обращаться къ ней съ реформаторскими тенденціями.

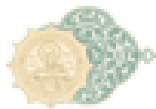
Тотъ же самый вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ церкви ставится, но только гораздо шире и опредѣленнѣе, въ рефератѣ В. А. Тернавцева „Русская церковь предъ великой задачей“, прочитанномъ на первомъ собраніи религіозно-философскаго общества.

Авторъ выходитъ изъ того положенія, что въ настоящее время внутреннее положеніе въ Россіи представляется полнымъ, повидимому, неразрѣшимыхъ противорѣчій. Главнѣйшія изъ нихъ таковы: „верховная власть, религіозная по своему происхожденію и помазанію, носительница величайшихъ вѣроисповѣдныхъ упованій, дѣйствующая черезъ бюрократію, этихъ упованій не вмѣщающую, къ благу управляемыхъ непоправимо равнодушную, чуждую чувства отвѣтственности за свои дѣла; народъ, если живущій по идеалу, то только по религіозному

идеалу церкви,—и земство, представляющее и истолковывающее его волю въ духѣ противоцерковнаго, западно-европскаго общественнаго идеала; сословія старой Россіи, корни своими связанныя съ историческими преданіями ея, и новыя вліятельные классы, возникшіе недавно около большихъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій, исторической Россіи чуждые. Наконецъ, священство церкви,—и представители свѣтской мысли и высшаго образованія“. Понятно, что съ такимъ положеніемъ нельзя помириться; долженъ быть отысканъ какъ нибудь выходъ изъ него, Россія должна возродиться. какъ же? „Возрожденіе Россіи, отвѣчаетъ авторъ, возможно только на религіозной почвѣ. Къ нему приводитъ насъ и свѣдѣтельство Божіе.“ Но гдѣ же проповѣдники и дѣятель этого возрожденія? При этомъ вопросѣ нашъ взоръ прежде всего обращается къ учащимъ силамъ русской церкви, ея проповѣдникамъ. Но готовы-ли они для столь великой задачи? Едва-ли. „Въ большинствѣ они наставлены въ вѣдѣніи односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знаютъ еще меньше понимаютъ всю значительность мистической пророческой стороны христіанства. Самое же главное они въ христіанствѣ видятъ и понимаютъ *только загробный идеалъ*, оставляя земную сторону жизни, весь кругъ общественныхъ отношеній пустымъ, безъ воплощенія истины. Эта односторонность и мѣшаетъ имъ стать „ловцами человековъ нашихъ дней“ Но, продолжаетъ авторъ, какъ ни мало и не подготовлены проповѣдники нашей церкви къ великой задаче возрожденія Россіи, однако и среди нихъ въ послѣднее время начинаетъ пробиваться надежда, пока еще смутная, но появляющаяся въ ея нѣдрахъ новыхъ Савловъ. Стимулъ къ этой надеждѣ поднятій недавно вопросъ о миссіи церкви среди интеллигенціи. Кажущійся съ перваго взгляда незначительнымъ вопросъ этотъ на самомъ дѣлѣ очень важенъ. Въ интеллигенціи, это—великая сила, и „общественная величина“. „Почти малочисленная, она разрастается въ обширный общественный

слой, сильный своею отзывчивостью, умственной и нравственной энергіей“. И вотъ эта-то сила и стоитъ теперь въ противоположности къ церкви. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ представители церкви видятъ и понимаютъ въ христіанствѣ *одинъ только загробный идеалъ* и заботятся лишь „о личномъ спасеніи и личномъ блаженствѣ, потустороннемъ—въ Богѣ, интеллигенція, напротивъ, признаетъ только земной идеалъ и всѣ свои силы посвящаетъ „дѣлу общественнаго спасенія, посясторонняго—человѣческаго“. Далѣе, тогда какъ церковь русская вполнѣ народна,—„она не покидала народа среди всѣхъ его униженій, была съ нимъ и въ трудныя времена крѣпостного права, дала его гражданскому терпѣнію религіозный смыслъ особаго жертвеннаго дѣланія, спасла его, съ одной стороны, отъ бунта, съ другой—отъ отчаянія и тихаго помѣшательства; душевный вопль его обратила въ надежду на Бога живаго, держащаго въ страшной рукѣ своей сердце царя“; интеллигенція, напротивъ „не смотря на всѣ желанія и положительныя усилія войти въ народъ и повести его за собой, все-же чужда ему и до тѣхъ поръ не найдетъ доступа къ его сердцу, пока не увѣруетъ въ его Христа и не пріобичится жизни церкви.“ Дѣятели церкви настаиваютъ на божественномъ происхожденіи и помазаніи власти и призываютъ народъ къ полному повиновенію ей, но сами, оставаясь безучастными къ общественному спасенію, не могутъ дать ни религіозныхъ указаній власти, ни Христовой надежды и радости народу въ его тяжкомъ недугѣ. Интеллигенція же съ большими жертвами для себя отстаиваетъ пониманіе власти, какъ отвѣтственности.—Вопросы объ истинномъ устройствѣ труда, о его рабскомъ отношеніи къ капиталу, о собственности и ея противъ общественномъ значеніи, съ одной стороны, и совершенной неизбѣжности, съ другой—для людей интеллигенціи составляютъ предметъ самыхъ мучительныхъ и безкорыстныхъ усилій; въ церкви, напротивъ, послѣ первобытныхъ общинъ, вопросы эти если и разрѣшаются въ опытѣ

святыхъ, то не больше, какъ вопросы ихъ личной жизни праведности; важнѣйшая же и труднѣйшая сторона дѣла—общественное значеніе собственности, ея противорѣчія, понятіе уже въ древности и оставленные новому міру безъ разрѣшенія,—эти задачи до сихъ поръ остаются въ церкви безъ признанія. Наличному учащему сословію церкви онѣ чужды.

Такова въ главнѣйшихъ пунктахъ противоположность между интеллигенціей и церковью. Въ этомъ описаніи ея нельзя не признать многое преувеличеннымъ, иное одностороннимъ, а кое-что и совсѣмъ невѣрнымъ, но въ общемъ оно все-же не далеко отъ дѣйствительности. Какъ же, спрашивается теперь, сблизить и примирить обѣ стороны этой противоположности? Какой мостъ перекинуть между ними? Прежде всего, говоритъ референтъ, слѣдуетъ замѣтить, что интеллигенція переживаетъ теперь большой нравственный кризисъ. Она начинаетъ терять вѣру въ то, во что прежде крѣпко вѣрила,—въ знаніе, во всеобщее счастье, въ свои силы и способность осчастливливать другихъ, просвѣщать ихъ и „пріобщать къ сокровищамъ своего міросозерцанія“, такъ какъ самыя эти сокровища оспариваются ихъ совѣстію, какъ мнимыя. Она сознаетъ себя теперь въ состояніи духовнаго обнищанія, чувствуетъ, что перестаетъ быть силою и душою общества. Навмѣстѣ съ тѣмъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей она глубоко чувствуетъ потребность высшаго, чѣмъ ихъ собственное, просвѣщенія, высшаго примиренія, чѣмъ то, какъ она сама давала себѣ; предъ ея сознаніемъ все настойчивѣе выдвигается вопросъ о высшемъ смыслѣ жизни. И вотъ это сознаніе духовной нищеты и эта потребность въ высшемъ просвѣщеніи и выясненіи высшаго смысла жизни и составляетъ тотъ мостъ, по которому интеллигенція можетъ придти къ церкви и вступить въ единеніе съ нею, ибо только обнищавши духомъ и можно придти ко Христу и церкви. А что же церковь должна сдѣлать съ своей стороны для достиженія той же цѣли? Она должна, говоритъ авторъ, показать теперь

„не только словомъ въ ученіи, но и дѣломъ, что въ ней заключается не одинъ лишь загробный идеаль, но что она призвана служить вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлу общественнаго спасенія, посюсторонняго-человѣческаго“; должна „открыть сокровенную въ христіанствѣ *правду о землѣ*—ученіе и проповѣдь о христіанскомъ государствѣ. Религіозное призваніе свѣтской власти, общественное во Христѣ спасеніе, вотъ о чемъ наступаетъ теперь время свидѣлствовать“.

„Это, заключаетъ референтъ, и будетъ началомъ религіозно-общественнаго возрожденія Россіи. Здѣсь, обновившись въ нравственномъ существѣ своемъ, русская интеллигенція найдетъ новую жизнь, новыя цѣли и наконецъ *дѣло*, котораго безуспѣшно искала съ самаго своего возникновенія“.

Итакъ для того, чтобы русская интеллигенція могла вступить въ единеніе съ церковью, съ которой она стоитъ теперь въ полномъ разрывѣ, необходимо, чтобы сама церковь повернула свой фронтъ отъ неба къ землѣ, перенесла центръ тяжести съ духовно-небеснаго идеала на идеаль земного соціальнаго благополучія, чтобы „открыла правду о землѣ,—ученіе о христіанскомъ государствѣ, о религіозномъ призваніи свѣтской власти“. Но въ чемъ же именно состоитъ эта правда о землѣ, и какъ понимать христіанское государство, религіозное призваніе свѣтской власти? Вопросъ этотъ—чрезвычайно важный, въ немъ вся суть дѣла, а между тѣмъ авторъ оставилъ его безо всякаго выясненія и оттого и всѣ предшествующія его разсужденія въ значительной мѣрѣ теряютъ свою цѣнность.

На ту же тему объ отношеніи интеллигенціи къ церкви былъ сдѣланъ на второмъ засѣданіи религіозно-философскаго общества другой докладъ— Д. В. Философова. И здѣсь церковь обвиняется, только еще рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ докладѣ г. Терпавцева, въ томъ, будто она ограничивается однимъ лишь небеснымъ идеаломъ и потому будто бы отри-

пательно относится къ искусству, къ знанію и вообще ко всѣмъ культурамъ.

„Въ противоположность интеллигентному обществу неволь, говоритъ г. Философовъ, поняла и приняла сознательно лишь первую половину заповѣди: „возлюби Господа твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею“ И, не вмѣстивъ второй, она стала отрицать ее, довела свою любовь къ Богу, свое служеніе Ему до ненависти къ міру до презрѣнія къ культурамъ. Историческое христіанство, вплоть до XX вѣка, сосредоточивало все свое вниманіе лишь на аскетической сторонѣ ученія Христова, на служеніи Богу пренебрегши въ своей односторонности тѣмъ Божиимъ міромъ, часть котораго—работающіе въ потѣ лица своего ближніе. Въ частности и церковь русская повинна въ той же односторонности аскетическаго взгляда на міръ. Она „требуемъ отреченія отъ любви къ жизни и людямъ, отъ любви къ искусству, къ знанію, къ нашимъ вѣчнымъ учителямъ—Пушкину, Достоевскому, Гоголю,—отъ всей культуры, а мы не хотимъ отречься отъ того, что хотимъ—*освятить*“

Вотъ какое обвиненіе возводится на церковь вообще и на русскую въ частности. Но справедливо-ли оно?

Иисусъ Христосъ сказалъ однажды: „Приготовляйте себѣ сокровище неоскудѣвающее на небесахъ, куда воръ не приближается и гдѣ моль не съѣдаетъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше“ (Лк. 12, 33—34). „Что польза человеку приобрести весь міръ, а себя самого погубить, или повредить себѣ“ (Лк. 9, 25). „Ищите прежде царствія Божія, и все это приложится вамъ“ (Лк. 12, 31). Эти и подобныя изреченія Спасителя показываютъ, что духовно-небесный идеалъ долженъ занимать въ сознаніи и въ сердцѣ послѣдователя Его первенствующее, центральное мѣсто. Но это однако вовсе не значитъ того, что идеалъ этотъ совершенно оторванъ отъ земли; нѣтъ, онъ имѣетъ непосредственное отношеніе и къ землѣ, онъ всегда служилъ и служитъ

глубокой основой и свѣточемъ для устроенія и на ней царства Божія, все равно какъ заповѣдуемая Христомъ любовь къ Богу служить глубокой основой для любви къ ближнимъ. Такъ всегда учила и учить и Церковь Христова, и это ученіе всегда проявляла, въ лицѣ своихъ истинныхъ членовъ, и на дѣлѣ. Кто хорошо знакомъ съ ея исторіей, тотъ знаетъ, какъ много она сдѣлала для блага людей. Подъ ея вліяніемъ создались въ христіанскомъ мірѣ почти всѣ благотворительныя учрежденія, какъ-то: пріюты для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ-дѣтей, страннопріимные дома, госпитали, дома трудолюбія и т. д.; она посѣщала и утѣшала заключенныхъ въ темницы, ходатайствовала о смягченіи ихъ участи, выкупала на свои собственныя средства находящихся въ плѣну и должниковъ, выступала съ грознымъ обличительнымъ словомъ предъ сильными міра сего, когда они совершали какое-нибудь преступленіе противъ народа и т. д., и т. д. Вспомните изъ древней церкви, напр., Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Амвросія Медіоланскаго, а изъ русской—митрополитовъ московскихъ Петра, Алексія, Филиппа, Гермогена, преподобныхъ Θεодосія Кіево-Печерскаго, Сергія Радонежскаго, епископовъ Тихона Задонскаго, Амвросія Оптинскаго и многихъ другихъ. Все это были великіе дѣятели церкви, всѣ силы и жизнь свою посвятившіе на служеніе благу другихъ. Небесный идеалъ шолъ у нихъ рука объ руку съ устроеніемъ царства Божія и на землѣ,—онъ воплощался въ ихъ самоотверженной дѣятельности на благо народа. Какъ же послѣ этого обвинять церковь, будто она изъ-за небеснаго идеала „требуетъ отреченія отъ любви къ жизни и людямъ“!

Не менѣе несправедливо обвиненіе церкви и въ томъ, будто она отрицательно относится къ искусству, къ знанію и вообще къ культурѣ. Обвиненіе это—не болѣе, какъ результатъ смѣшенія нѣкоторыхъ представителей церкви съ самою церковію. Дѣйствительно, были лица, занимавшія даже

ієрархическое положеніе, которыя недружелюбно относили къ искусству и знанію, наукѣ, но развѣ ихъ можно считать выразителями въ этомъ отношеніи духа Христова ученія, содержимаго церковію? Конечно, нѣтъ. Церковь не толь не относится отрицательно къ искусству и знанію, но скорѣ содѣйствуетъ ихъ развитію. И въ самомъ, дѣлѣ не повліяніемъ-ли церкви создались въ христіанскомъ мірѣ величественные храмы, поражающіе насъ своею красотою (храмъ св. Петра въ Римѣ, храмъ въ Миланѣ, Святая Софія въ Константинополѣ, храмъ св. Марка въ Венеціи, Исаакіевскій и Казанскій храмы въ Петербургѣ, храмъ Спасителя въ Москвѣ и т. д.), прекрасныя живописныя произведенія Рафаеля, Тиціана, Мурильо, Корреджіо, Васнецова и т. д., чудныя піснопѣнія и гимны? Извѣстно, что всякое художественное произведеніе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ возвышеннѣе идея или идеаль, въ немъ выраженный, между тѣмъ христіанская вѣра, содержимая церковію, несомнѣнно есть сфера самыхъ возвышенныхъ идей и идеаловъ. Но благотворное вліяніе церкви на искусство состоитъ не въ томъ только, что она даетъ искусству возвышенное содержаніе, но и въ томъ еще, что она способствуетъ воспитанію и развитію въ насъ самого чувства прекраснаго. Она поставляетъ человѣка лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что онъ только можетъ представить себѣ самаго высокаго и совершеннаго. На самое конечное тварное бытіе она приучаетъ смотрѣть, какъ на дѣло рукъ Божіихъ и, слѣдовательно, какъ на отображеніе совершенства Его. А при такой точкѣ зрѣнія естественно и эстетическое чувство человѣка приучается останавливаться лишь на такихъ предметахъ и явленіяхъ какъ во внѣшней природѣ, такъ въ жизни людей, въ которыхъ невольно чувствуется присутствіе чего-то высокаго, идеальнаго, божественнаго. Отсюда—тотъ знаменательный фактъ, что всѣ лучшія художественныя произведенія были обязаны своимъ происхожденіемъ

творческому таланту лицъ, отличавшихся религіозностію, и что, съ другой стороны, въ эпохи упадка религіозной вѣры всегда болѣе или менѣе ослабѣвало и искусство, или, по крайней мѣрѣ, теряло характеръ возвышенности.

Таково же отношеніе церкви къ знанію, наукѣ. Правда, въ священнѣхъ книгахъ, которыми руководится церковь, ничего не говорится о наукѣ и научныхъ занятіяхъ, онѣ говорятъ намъ лишь о спасеніи людей, объ откровеніяхъ Бога, область же научныхъ изысканій, вѣдѣніе силъ и законовъ природы предоставляютъ собственнымъ силамъ челоуѣка, самой наукѣ. Но тѣмъ не менѣе своимъ возвышеннымъ ученіемъ о мірѣ, какъ космосѣ, созданномъ по идеямъ Божественнаго разума (Логоса), церковь оказала громаднѣю услугу наукѣ: она открыла предъ ней высокѣю перспективу—міръ идей Божественнаго разума, отысканіе которыхъ въ природѣ и составляетъ задачу науки. Въ исторіи церкви бывали, правда, случаи, когда нѣкоторые служители ея въ неразумной ревности за вѣру возставали противъ научныхъ открытій, оказавшихся истинными, но на такихъ ревнителей вѣры нельзя смотрѣть, какъ на выразителей истиннаго духа церкви. Къ тому же такіе случаи мы встрѣчаемъ преимущественно въ исторіи западной римско-католической, а не восточной православной церкви, и это признаетъ даже такой тенденціозный историкъ, какъ Дреперъ. Примѣромъ сочувственнаго отношенія восточной церкви къ наукѣ могутъ служить такіе столпы ея, какъ Василій Великій, Григорій Нисскій и другіе. Это были высоко просвѣщенные мужи и сами изучали природу и нерѣдко обращались къ ней въ своихъ изъясненіяхъ духовныхъ истинъ откровенія. Церковь неодобрительно относится только къ тому, когда люди науки выдаютъ за научно доказанныя истины, за послѣднее слово науки какія-нибудь гипотезы, научно не доказанныя и не провѣренныя, а между тѣмъ идущія въ разрѣзъ съ откровеніемъ, въ родѣ гипотезы о само-

произвольномъ зарожденіи, или о происхожденіи челоуѣка отъ обезьяно-подобнаго существа, но не къ самой наукѣ, не къ строго научнымъ изслѣдованіямъ, одушевляемымъ любовію къ истинѣ.

Не отрицаетъ церковь и культуры, если только изъ-за нея не забываютъ того, что должно быть дороже всего для каждаго члена ея, души и неба, и при этомъ условіи не только не отрицаетъ, но еще и содѣйствуетъ ей. Извѣстно, какое громадное культивирующее значеніе въ древней Руси имѣли монастыри. Тамъ, гдѣ они созидались, даже въ самыхъ глухихъ и дикихъ мѣстностяхъ, являлась вмѣстѣ съ ними жизнь, основывались поселенія, улучшались пути сообщенія, возникали формы государственной жизни, смягчалась дикость нравовъ и т. д. И въ настоящее время есть монастыри, напр., Соловки, Валаамовъ монастырь, которые проявляютъ значительное культурное вліяніе особенно на окрестныя мѣстности. Не меньше глубоко и *посредственное* воздѣйствіе церкви на культуру. Самое главное для церкви, это, конечно, внутренняя духовная жизнь людей, и ее-то прежде всего она и хочетъ преобразовать и возродить; но именно по тому самому, что она преобразуетъ и возрождаетъ духовную внутреннюю жизнь людей, она вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ преобразованію и облагороженію и внѣшней жизни ихъ. Не мѣшало бы и г. Философову получше вдуматься въ эту истину прежде, чѣмъ столь невинно обвинять церковь въ отрицательномъ будто бы отношеніи ея къ искусству, знанію и культурѣ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ интеллигентовъ, которые предъявляютъ къ ней требованіе, чтобы она перенесла центръ тяжести съ духовно-небеснаго идеала на земной.

На томъ мы и закончимъ свои замѣчанія относительно „Новаго Пути“. Кромѣ указанныхъ статей въ первой книжкѣ его помѣщено нѣсколько статей литературнаго содержанія, но онѣ не представляютъ для насъ интереса. Насъ интересуютъ

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

главнымъ образомъ высказываемыя въ немъ воззрѣнія и запросы современной интеллигенціи относительно христіанства и церкви.

Θ. Орнатскій.